

БАРОН Р. Ф. ФОН УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ КАК БОГ ВОЙНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ

BARON R. F. VON UNGERN-STERMBERG
AS THE GOD OF WAR: HISTORICAL
AND RELIGIOUS GROUNDS

© 2023 **Сергей Львович Кузьмин**

доктор исторических наук, кандидат биологических наук,
ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН,
Москва, Россия
s.kuzmin@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

Sergius L. Kuzmin

DSc (History), PhD (Biology), Principal Research Fellow,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
s.kuzmin@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

© 2023 **Бембя Леонидович Митруев**

аспирант, младший научный сотрудник Калмыцкого научно-
го центра РАН, Элиста, Россия
bemitrouev@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0002-1129-9656

Bembya L. Mitrujev

Postgraduate Student, Junior Research Associate, Kalmyk
Scientific Center of the RAS, Elista, Russia
bemitrouev@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0002-1129-9656

Барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг (1886–1921) — известный военачальник Белой армии времен Гражданской войны в России, в 1921 г. освободивший Внешнюю Монголию от китайской оккупации и восстановивший независимость страны. В публикациях Унгерна нередко называют «богом войны», «белым богом войны» и т. п. В статье проанализированы возможные основания для возникновения подобных характеристик. Основой представленного исследования служат остающиеся доселе малоизвестными данные, собранные монгольским ученым Б. Ринченом, разрозненные мемуарные сведения и до сих пор сохраняющиеся в Монголии воспоминания. Сопоставление приводимых Ринченом сведений с данными других источников показало, что в пользу ассоциации с Гэсэром, рассматриваемым как бог войны, свидетельствует появление Унгерна («белого богатыря») с войском с севера. Унгерн освободил от оккупантов Монголию и, в частности, ее столицу, покровителем которой является Дхармапала Джамсаран, ассоциировавшийся в некоторых буддийских представлениях монголов с Гэсэром. Кроме того, ассоциации с Гэсэром способствовала цель, неоднократно провозглашавшаяся Унгерном, — восстановление власти маньчжурского императора, покровителем которого считался Гэсэр. Наконец, Унгерн мог ассоциироваться с Гэсэром и потому, что в Монголии и в походе на Сибирь барон был легко ранен лишь один или два раза, хотя участвовал во многих боях. В статье обсуждаются и опросные данные.

Ключевые слова: барон Р. Ф. Унгерн, Монголия, бог войны, Гэсэр, Джамсаран

Для цитирования: Кузьмин С. Л., Митруев Б. Л. Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг как бог войны: исторические и религиозные основания. *Восточный Курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 96–111. DOI: 10.18254/S268684310028202-0

Baron Roman F. von Ungern-Sternberg (1886–1921) was famous White Army warlord of the Russian Civil War. In 1921, he liberated Outer Mongolia from Chinese occupation and restored her independence. In publications he is often called the God of War, the White God of War, etc. Possible reasons for these designations are analyzed in this paper. It seems that sporadic information in memoirs and some memories still existing in Mongolia, which serves as the basis for this, may be corresponded with the data of Mongolian scholar B. Rinchen, which remain little known so far. Comparison of his information with other data speaks in favor of the association with Gesar considering the God of War, because the appearance of Ungern (“the White Hero”), advancing with his troops from the north, liberated Outer Mongolia and, in particular, her capital city, whose patron is Dharmapala Jamsaran, who was associated with Gesar in some Buddhist representations of the Mongols. In addition, the association with Gesar was promoted by the goal repeatedly proclaimed by Ungern, the restoration of the Manchu Emperor, whose patron was considered Gesar. Finally, Ungern could be associated with Gesar also because in Mongolia and in the campaign to Siberia, the Baron was lightly wounded only once or twice, although he participated in many battles. Narrative data are discussed.

Keywords: Baron R. F. Ungern, Mongolia, God of War, Gesar, Jamsaran

For citation: Kuzmin Sergius L., Mitruiev Bembya L. Baron R. F. von Ungern-Sternberg as the God of War: Historical and Religious Grounds. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 96–111. DOI: 10.18254/S268684310028202-0

Барон Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг (1886–1921) — известный белый военачальник периода Гражданской войны в России,

в 1921 г. освободивший Внешнюю Монголию от китайской оккупации и восстановивший фактическую независимость страны. В публика-

циях его нередко называют богом войны, белым богом войны и подобными эпитетами, чаще используемыми в художественной, чем в научной литературе [Михалев, 2018, с. 157–178]. Популярности этого способствует Интернет, где в наше время можно найти десятки упоминаний данного эпитета, в чем большую роль играет кросспостинг. Основу такой популярности, похоже, заложили опубликованные в 1925 г. мемуары Ф. А. Оссендовского, и в 1934 г. — мемуары А. С. Макеева.

Однако в общем пантеоне тибетского буддизма, который исповедовали Унгерн и большинство монголов, бог войны отсутствует. В то же время в ряде регионов распространения этой религии, как будет показано ниже, в пантеоне существует проявление Гэсэра, называемое «Божество войны Гэсэр, Драгоценность, подчиняющая врагов» (*тиб.* *dgra lha'i rgyal po ge sar nor bu dgra 'dul*). В «Тибето-монгольском словаре» тибетскому слову *dgra lha*, буквально «божество врага», или «божество (помогающее победить) врага», дан следующий перевод: «сүлд тэнгэр, байлдааны үед нөхөр болох тэнгэр» — «гений-покровитель, божество, помогающее во время войны» [Бүрнээ, Энхтөр, 2012, с. 112]. В Монголии для него используется термин «воинственное божество» (монг. *дайчин тэнгэр*). На официальном сайте «Монгол хэлний их тайлбар толь» дается следующее определение этого термина: «бөөгийн шүтлэгийн дайн байлдааныг захирах тэнгэр» (почитаемое шаманами божество войны, управляющее сражениями) [Дайчин тэнгэр, 2023].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Причины появления эпитета «бог войны» применительно к Унгерну в литературе носят предположительный характер. Предполагается, что какие-то ламы, видя военные успехи и жестокость Унгерна, могли объявить его *докшитом* — гневным божеством-охранителем буддийского учения. В некоторых публикациях Унгерна ассоциируют с Махакалой, ссылаясь

на то, что об этом когда-то говорили ламы (например [Шулунов, 1940, с. 115; Цибилов, 1947, с. 32; Вампилов, 1977, с. 55; Ломакина, 2003, с. 361; Демиденко, 2004, с. 118]). В тибетском буддизме, в том числе школы Гэлуг, преобладающей в Монголии, широко почитается Бегцэ (тиб. Джамсаран) — гневное божество, защитник буддизма. В Монголии он считается покровителем монастырей Нийслэл-хурэ (Урги, сейчас Улан-Батор) — столицы страны, в 1921 г. освобожденной от китайских оккупантов Унгерном с его Азиатской конной дивизией. Изображение Джамсарана красного цвета, поэтому монголы и буряты называют его *Улаан сахиус* — Красный охранитель. В народной традиции его иногда называют богом войны. Но не только его. В качестве бога войны рассматривается Гэсэр, отчасти инкорпорированный в пантеон буддизма. По словам очевидца взятия Урги бароном Унгерном — Д. П. Першина, народная молва в Монголии называла «богом войны и мечом правды» также героя освободительной борьбы монголов Тогтохо-гуна (комментарий в кн. [Бурдуков, 1969, с. 370]).

Для анализа рассматриваемой проблемы важен анализ дошедших до нас сведений современников, так или иначе контактировавших с Унгерном и(или) с его соратниками. Кроме того, представляют интерес опросные сведения монгольских лам в наше время. Конечно, наибольшую ценность представляли бы документы о соответствующем обряде, но найти их нигде не удалось, равно как и сведения о том, что они когда-то существовали; вероятно, такие документы отсутствовали изначально. Во всяком случае, по словам Д. Чойжамца, хамбо-ламы Центра буддийской религии — монастыря Гандантэгчэнлин (Улан-Батор, Монголия), ему ничего не известно о наличии таких документов в архиве монастыря. Это важная информация, т. к. при социализме туда свезли часть материалов ликвидированных монастырей МНР.

Постараемся проанализировать все дошедшие до нас сведения такого рода, учитывая, что в ряде случаев это могут быть заимствования из общих

источников, кратко обсудив религиозные аспекты данной информации.

Вначале имеет смысл привести все известные сведения из мемуаров современников (общий список изученных материалов см.: [Кузьмин, 2011, с. 616–642]). Их можно разделить на две группы: простое упоминание того, что Унгерн — бог войны и сведения о некоем ритуале, о котором сообщали, что этим ритуалом он был признан богом войны. Рассмотрим обе группы отдельно.

Первым о том, что монголы считали Унгерна богом войны, сообщил Ф. А. Оссендовский в своем знаменитом романе, впервые опубликованном в 1922 г. Он писал, что перед аудиенцией у теократического монарха и главы буддийской церкви Внешней Монголии — Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII его и Унгерна встречали 200 лам, «приветствуя джанджина (генерала) почтительным шепотом: “Хан — бог войны”». По словам Оссендовского, Богдо-гэгэн назвал Унгерна «возрожденным богом войны, ханом благодарной Монголии» [Оссендовский, [1925] 2005, с. 238, 242]. Достоверность этих сведений вызывает сомнения. Книга Оссендовского содержит ряд преувеличений и домыслов, особенно в том, что касается религии (подробнее см.: [Кузьмин, Рейт, 2008]). При обычных аудиенциях гостей Богдо-гэгэна не встречало так много лам. Кроме того, Унгерн получил от Богдо-гэгэна титул дархан-хошой чин-вана в степени хана. Степень — не титул; кроме того, «хан» в данном случае обозначает монгольского удельного князя (монг. *хан*), а не великого хана всей Монголии (монг. *хаан*). В то же время, это упоминание можно считать указанием на то, что Оссендовский в Монголии слышал, что Унгерна называли богом войны.

Унгерновец С. Е. Хитун вспоминал, как он удивился, увидев, что «этот “бог войны”, “грозный барон” пытался на полусогнутых ногах от приседающего монгола, с самой вежливой и дружественной улыбкой» [Хитун, 2004, с. 580–615].

Уже упоминавшийся А. С. Макеев так описывал пленение Унгерна его монгольским ди-

визионом после того, как Азиатская дивизия взбунтовалась и направилась из Монголии в Маньчжурию. «Монгольская легенда, что барона Унгерна не берут пули, что он “бог войны”, бросилась в их первобытный мозг, и картина резко изменилась. Монголы соскочили с лошадей, пали на землю, и утренний рассвет огласился их жалобными мольбами — простить и помиловать их, поднявших руку на “бога войны”. <...> Группа старших монгол, сидя на корточках под громадным дубом, шепотом решала, как спастись. Убить Унгерна нельзя — он “бог войны”, и смерть его не берет, но освободиться от него нужно. Монголы выработали план... К палатке барона змейками поползло несколько самых отважных храбрецов, бесшумно вползли в палатку, накинули на голову Унгерна тарлык (монгольская верхняя одежда), в одно мгновение скрутили ему веревками руки и ноги и, отдавая поверженному “богу” поклоны, бесшумно исчезли» [Макеев, 1934, с. 110–111]. Макеев не был очевидцем этих событий. Начальник монгольского дивизиона Бишерельту Сундуй-гун описывал их по-другому [Кузьмин, 2011, с. 283–285].

Сходным с Макеевым образом эти события описал и другой унгерновец — М. Г. Торновский, который тоже не был их очевидцем: «Монголы связали Унгерна по рукам и ногам крепкими сыромятными ремнями, поставили палатку, положили в нее бога войны, укрыли тарлыком. <...> Но Унгерн признан Богдо-гэгэном богом войны и убить его — смертный грех, а потому нужно избавиться от него без кровопролития. <...> Генерал Унгерн не есть подлинный бог войны, так как убегает от красных, не победив их» [Торновский, 2004, с. 294, 296]. Этот пересказ содержит занятное противоречие: все-таки считали монголы Унгерна богом войны или нет? Кроме того здесь, как и в рассказе Оссендовского, отмечается, что Унгерна признал богом войны Богдо-гэгэн. О таком признании Богдо-гэгэном писал — очевидно, по рассказам унгерновцев — Дюфур [Dufour, 1942, р. 613].

Д. Алешин, также служивший в Азиатской конной дивизии, свидетельствовал: «Ему [Ун-

герну] говорили, что он сам — возродившийся Цаган Бурхан, или бог войны, и в своем неуравновешенном уме он уверился в том, что он был спасителем мира. ... В своем движении Унгерн направил отряды так, чтобы они остановились в разных местах, согласно старым монгольским предсказаниям. Для простых кочевников это казалось чудесным, и они могли лишь предположить, что барон — действительно воплощенный бог войны, посланный на землю с какой-то великой миссией. Когда он провозгласил священную войну за Желтую веру, в сердцах монголов не осталось сомнений. Они присоединялись к нему охотно и слепо. ... А что же барон? Монголы не решились убить Цаган Бурхана, своего бога войны. Кроме того, они твердо верили, что он не может быть убит. Не получили ли они только что доказательства этому? Не только русские казаки стреляли в барона, но целый бурятский отряд выпустил несколько залпов в него, и что в результате? Пули не причинили вреда Цаган Бурхану. Теперь несколько сот монгольских всадников лежали на земле, обсуждая ситуацию. Наконец, они решили послать самых храбрых из них к изнуренному барону. Когда они добрались до бога войны, то с почтением связали его веревками и оставили там, где он лежал. Затем они галопом умчались в разные стороны, чтобы Цаган Бурхан не знал, за кем гнаться» [Alioshin, 1941, p. 228, 266].

Основа этого рассказа та же, что у Макеева и Торновского. Вероятно, она восходит к унгерновцу, утверждавшему, что был очевидцем пленения барона монголами. Но здесь интересно, что монголы, по словам Алешина, называли Унгерна Цаган Бурханом (монг. *цагаан бурхан* — белый бог). Похожее упоминание есть лишь у одного мемуариста — Голубева, оставившего большую рукопись об Унгерне, в которую вошли рассказы многих очевидцев, общавшихся с бароном в Урге. Голубев писал: «Унгерну доставляло неизмеримое удовольствие, когда монголы видели в нем что-то неземное, Цаган-Бурхана, “перерожденца”. А может быть, он и действительно верил в то, что он “перерожденец”?» [Голубев, 1926, л. 186].

Любопытно, что, согласно большому монгольско-русскому словарю, *цагаан бурхан* в старину означало оспу. В монгольских книгах, в том числе в мемуарах, применительно к Унгерну такое значение не встречается. Этому может быть два объяснения. (1) Слова «*цагаан бурхан*» говорили монголы. Дословный перевод — «добрый (белый) бог». Такое обозначение оспы, судя по словарю, — устаревшее, связанное с табуированием. Это понятно: у монголов был обычай табуировать некоторые термины и обозначать их другими словами. В данном случае — для того, чтобы избежать оспы, используя термин, который ее умилоостивит. (2) В русских мемуарах для Унгерна встречаются термины «белый воин», «белый всадник», «белый хан» и т. п. Более того, есть там такие «переводы с монгольского»: «Цаган Бурхан, или бог войны», «Цаган-Бурхан, перерожденец». Значит, оспа тут ни при чем. Но почему «белый»?

Очевидно, здесь подразумевается старое монгольское предание, что с севера придет великий белый воин, или хан, который разобьет врагов и освободит монголов. Служивший в Азиатской конной дивизии польский татарин К. Гижицкий вспоминал свой разговор с Унгерном: «Вручая генералу рапорт о прошедшей поездке, напомнил я, что в Урге ожидают помощи, но барон, глядя на меня почти весело, произнес:

— Знает ли пан предсказание, которое вынуждает меня идти в глущь Забайкалья?

— Нет.

— А в таком случае выслушайте меня: придет с севера белый человек, а глаза его будут как кусочки льда. Пройдет по земле, как огонь и смерть. Это будет бог войны, который даст счастье и спокойствие монгольским народам. Чтобы это предсказание исполнилось, я должен идти не в Ургу, а залить кровью Забайкалье — так как отсюда придет бог войны, — произнес барон» [Гижицкий, 2018, с. 156].

Итак, можно предположить, что кто-то в Монголии признавал Унгерна тем самым воином и богом войны, и это сохранилось в мемуарах — причем только в мемуарах иностранцев:

подобные упоминания в мемуарах монголов-современников унгерновской эпопеи нам неизвестны. Здесь мы подходим ко второй группе сведений — о некоем ритуале.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДАННЫЕ

К. И. Лаврентьев [Лаврентьев, 2004, л. 328] вспоминал о церемонии коронации Богдо-гэгэна VIII как великого хана Монголии, в которой участвовал Унгерн: «А одяние на нем было действительно необычное: что-то золотисто-алое, с шапкой, украшенной лентами, с какими-то один на другом халатами и курмами одна ниже другой».

Унгерновец Н. Н. Князев вспоминал, что в Монголии Унгерн был принят «как желанный освободитель, перерожденец могучего батора (богатыря) прежних времен и даже гения войны» [Князев, 1934, с. 27]. Князев оставил и довольно подробное описание этой церемонии: «В кумирне Майдари [храм Майдарын-сумэ монастыря Дзун-хурэ в Урге. — *Авт.*] с утра звучал странный оркестр из морских раковин; оглушительно гремели гигантские трубы, и музыка эта сопровождалась аккомпанементом барабанов всевозможных размеров. По храму носились густые облака ароматических курений. Экипаж Богдо-хагана был встречен многочисленным духовенством, разряженным в парадные облачения. Монахи вынесли Богдо из кареты и, осторожно поддерживая под руки, повели через настежь открытые центральные двери храма. Богдо проследовал до главного алтаря, возле которого стоял приготовленный для него трон. Церемония коронации длилась полтора часа. <...> Внутри же храма мерцали тысячи лампад... Можно было рассмотреть изображения Будд и бодхисатв и художественные редкости... Непосредственно вслед за возложением короны на Богдо-хагана, состоялось наречение барона Унгерна воплощением бога войны. Богдо возложил на барона какой-то необычайный головной убор, отдаленно напоминавший митру католического епископа. Затем ламы торжественно взя-

ли барона под руки и вывели из кумирни, чтобы показать народу. <...> Чрезвычайно было также существенно, что высшие духовные авторитеты подвели под него прочный религиозный фундамент, объявив его божественным перевоплощением величайшего из легендарных баторов. В этой стране, где самый воздух и каждая пядь земли насквозь пропитаны мистицизмом, хубилган-барон мог блестяще использовать свое положение “живого бога”, чтобы заставить монгольский народ с сердечным трепетом благоговейно преклониться перед его волей» [Князев, 2004, с. 68, 90].

По данным современного монгольского исследователя, сразу после возведения на великоханский престол Богдо-гэгэна барон участвовал вместе с Богдо в храме в некоем ритуале. По воспоминаниям донира Жамбала, в главном храме (цогчин дуган) Унгерн совершил подношение Богдо-гэгэну. Барон и Богдо в это время были одеты в монгольские халаты из шелковой материи с вытканными золотом драконами ([Өвгөн Жамбалын яриа, 1959, с. 79]. В оригинале — опечатка: вместо «Богд» напечатано «Бодоо».)

Отмеченный Князевым головной убор напоминает корону в ритуалах тантрических посвящений. Но Богдо-гэгэн IX выразил сомнение, что это было посвящение в тантру [Кузьмин, 2011, с. 381]. Действительно, тантрическое посвящение — тайное, так что в тантрической короне человек не будет напоказ выходить из храма. Если Унгерн действительно был признан эманацией Джамсарана (см. ниже), это могла быть зимняя ламская шапка. Из таких шапок наиболее походит на митру головной убор цорджа (тиб. *chos rje*) — второго лица после хамболамы в крупных монастырях или высшего должностного лица в небольших монастырях.

Как правило, во время интронизации большого ламы-перерожденца (тиб. *тулку*, монг. *хувилгаан*, *хубилган*), имеющего монашеское посвящение, в традиции Гэлуг используется желтая шапка, называемая «шапка пандиты» (тиб. *pan zhwa*), которую в свое время носил Лама Цонкапа. Верхняя остроконечная часть этой шапки

напоминает шип, от верхней части отходят два длинных «уха» (тиб. *ma ring*), похожие на ленты. Эта шапка отдаленно напоминает митру католического епископа, развернутую на 90°. Во время возведения на трон, шапка, используемая для церемонии, как правило снимается после ее завершения. Иногда, при сопровождении большого ламы на церемонию или проповеди, ламы, имеющие достаточно высокий статус для ношения этого головного убора, надевают его и вне храма. Так, держатель трона монастыря Ганден (Ганден-трипа), являющийся высшим иерархом Гэлуг, надевает остроконечную желтую шапку пандиты, ведя процессию, встречающую нынешнего Далай-ламу XIV для препровождения его на место проповеди.

Что же касается официального признания перерожденцем, то этот ритуал проводится внутри храма и не связан с возложением короны, в которой человек затем выходит наружу.

Отсутствие более точных сведений не позволяет однозначно предположить, какой именно головной убор был использован для Унгерна на церемонии интронизации Богдо-гэгэна VIII как великого хана Монголии. Однако, принимая во внимание тот факт, что он в тот день получил от Богдо-гэгэна титул дархан-хошой чин-вана, скорее всего, на нем была шапка монгольского феодала.

Право носить халат из шелковой материи с драконами (монг. *магнаг дээл*) — символом высокого достоинства — цинские императоры (великие ханы) раньше иногда даровали высшим ламам, некоторым представителям монгольской и тибетской знати. Теперь монгольский великий хан мог даровать такое право Унгерну. Однако если этот халат и использовался, то лишь в описанной церемонии: оранжевый халат барона, в котором он ходил позже, вышит обычным монгольским орнаментом без драконов.

Наиболее важные данные о признании Унгерна богом войны привел известный монгольский ученый Б. Ринчен (1905–1977). Его сын Р. Барсболд сообщил, что к его отцу приходили ламы «старого образца», которых к тому вре-

мени оставалось всего несколько человек, они были очевидцами многих событий прошлого; они беседовали, читали свои записи и т. д. По его словам, беседы касались масок для ритуала Цам (Ринчен расспрашивал об этом для своей публикации за рубежом); остальное относится к области предположений; ламы старой школы, как ему кажется, отличались образованностью, хотя его отец был далек от их идеализации.

Очевидно, на основе рассказов лам Б. Ринчен писал: «Барон Унгерн фон Штернберг, взявший Ургу, зимой 1921 г. остановился в Маймачене во дворе китайского храма Гэсэра и объявил ламам дацана Дашсамданлин, которые пришли поднести ему чай и сладости, что он прибыл защищать святую религию Будды и трон великих маньчжурских императоров, покровителей буддизма, от красных и атеистов. Эта новость поразила воображение до слез, и они провозгласили барона Унгерна фон Штернберга воплощением Гэсэра Воинственного — *тобуу Гэсэр-ун хубилган*. Ламы Дашсамданлин-дацана рассказывали, что пули красных русских — *улаан орос* и черных китайцев — *хара хятад* были безвредны для воплощения Гэсэра — *Барон жанжин*, барона-главнокомандующего, и ранить его могла бы только пуля монгола. Ламы монастыря Дзун-хурэ в Урге распространяли слух, что барон Унгерн фон Штернберг был воплощением Бегцэе или Джамсарана, как я упоминал в своем историческом романе “Заря над степью”» ([Rintchen, 1958, с. 9–10]. Надо отметить, что опубликованные позже переводы и трактовки этой части статьи Ринчена не всегда точны [Ринчен, 1995, с. 42; King, 2016, р. 48; Ратклифф, 2017, с. 70; Ratcliffe, 2019, р. 122–123]). Упомянутый храм Гэсэра см. на *Илл. 1*.

Б. Ринчен отмечал в пояснении, что написал эту статью в 1956 г., а про Унгерна и Гэсэра — впервые в историческом романе «Заря над степью» [Ринчен, 1955, с. 233–239; рус. перев.: Ринчен, 1972, с. 344–345, *passim*] В монгольском варианте этого романа сказано, что, когда Унгерн изгнал из столицы Монголии китайских оккупантов, в столичном Маймачене ламы

Илл. 1. Храм Гэсэра
в ургинском Маймачене
По: [МУУТА, КГДТ, К-23974]
Fig. 1. Temple of Geser in Urga
Maimacheng
Source: [МУУТА, КГДТ,
К-23974]

монастыря Дашсамданлин говорили, будто он вновь восстановил автономное правительство, и в честь него вознесли Гэсэру ритуал Сор (тиб. *Zor* — об этом ритуале подробнее см. ниже); они считали, что оккупанты уничтожены благодаря защитнику учения (монг. *чойжин сахиус*), Сору Гэсэра и полководцу Барону — хубилгану Гэсэра, который восстановил во власти Богдохана. Как видим, формулировки здесь несколько другие, чем в процитированной статье Ринчена.

Добавим, что, возможно, монголы рассматривали действия Унгерна как божественное вмешательство Гэсэра именно потому, что он отвечал их чаяниям и молитвам об освобождении Джебцзундамы и Монголии от китайцев. Его борьба с китайскими войсками рассматривалась как прямой ответ на их молитвы к божествам-защитникам, в особенности — Гэсэру, поэтому для них логично было видеть в нем его воинственное проявление.

В русском переводе романа Ринчена это изложено так: «Ламы заявляли, что барон Унгерн — перевоплощение грозного гения-хранителя желтой религии Джамсарана, перевоплощение призванного уничтожить зло на земле Гэсэр-хана. Гэсэр-хан считался и гением-хранителем государства дайцинов [империи Цин. — *Авт.*]. Потому-то его нынешнее воплощение в лице Унгерна и должно было восстановить маньчжурскую империю». Затем приводится перевод с тибетского одного из гимнов Гэсэру, где говорится о победе Гэсэра над врагами. По словам Ринчена, в храме Дашсамданлин 300 лам участвовали

в молебнах и жертвоприношениях Гэсэр-хану, а перепуганные жители Урги и Маймачена истово молились Гэсэру и просили его уберечь их в эти смутные и грозные времена. Далее Гэсэр-хан упоминается в стиле художественных вымыслов.

В современной Монголии вопрос о признании Унгерна богом войны малоизвестен. Лама Ц. Алтанхуу из восстановленного монастыря Дзун-хурэ в Улан-Баторе сообщил, что старые ламы при социализме предпочитали не говорить об Унгерне. С 1990-х гг. ученые проводили опросы старых лам, но они не касались этой темы. Монголовед К. Телеки, проводившая опросы в 1990-х гг. в Улан-Баторе о прошлом религии Монголии, сказала, что никто не говорил ей об Унгерне. Это видно также по ее недавно опубликованной книге на данную тему [Teleki, 2022]. Это согласуется и с рассказами старых лам, недавно опубликованными монгольскими исследователями: рассказов об Унгерне там нет [Монголын бурханы шашны аман түүх, 2021]. По словам Р. Бямбаа-ламы, в прошлом были разговоры о воплощении Унгерна, но нет точных данных, что его признали Джамсараном; о признании воплощением Гэсэра он не знает. По мнению ламы Ц. Алтанхуу, поскольку Унгерна пригласил в Ургу Богдо-гэгэн VIII, чтобы освободить ее, такое решение не могло быть принято без молитв Джамсарану как покровителю солдат.

Приведенные данные в большинстве опираются на разные источники, что повышает их

достоверность. Эти данные, а также наличие эпитета «бог войны» для Унгерна в мемуарах современников, позволяют допустить, что ламы объявили Унгерна эманацией Гэсэра и Джамсарана. Церемония интронизации Богдо-гэгэна VIII как великого хана (Богдо-хана) Монголии с участием в ней Унгерна в феврале 1921 г. прошла в храме Майдарын-сумэ монастыря Дзун-хурэ в Урге. Так что нельзя исключать, что Богдо-гэгэн VIII санкционировал решение этих лам.

О КУЛЬТЕ ГЭСЭРА В МОНГОЛИИ

Монгольский оригинал романа Ринчена [Ринчен, 1955] содержит детальные сведения. В нем глава 18, посвященная Гэсэру, фактически представляет научное исследование его культа в Монголии. Дацан Гэсэра в ургинском Маймачене был знаменит по всей стране. Кроме того, богачи хошуна (удела) Далай-Чойнхор-вана почитали Гэсэра. При власти МНРП это влияние упало, большое влияние приобрел богатый монастырь Тариатын-хийд (на северо-западе Монголии, который стал одним из центров народного восстания против социализма в 1932 г.). В этом монастыре каждый год проходил религиозный праздник Цам, на котором почитали Гэсэра. Далее говорится о подчинении монгольских народов цинским императорам, о том, что Гэсэр-хан считался охранителем власти и государства маньчжурского хана (цинского императора). Рассказывается о кодификации книг о Гэсэр-хане во Внешней Монголии. Детально рассказывается о развитии образа Гэсэра по сочинениям лам и кратко о развитии культа Гэсэра в Монголии. Далее Ринчен отмечает, что Богдо-гэгэн V строил дацан Гэсэра, провел ритуал Сор Гэсэра. По этим причинам маньчжурский император очень благоволил к Богдо-гэгэну V и видел в нем своего сторонника. В свою очередь Богдо-гэгэн V проводил большие молебны в монастыре Гуанлосёгийн-сумэ в Маймачене, подносил много изображений Гэсэра, подарил два тома книг по культу Гэсэра, считал, что Гэсэр —

эманация Джамсарана, верующим говорил, что надо почитать Гэсэра и дацан Дашсамданлин. Он вырезал деревянное изображение Гэсэра. Подражая Богдо-гэгэну V, другой высший лама Монголии — Заин-гэгэн (халхаский Заяпандита-хутухта) — в Доод-хурэ построил храм Гэсэра. Ринчен писал, что и при Богдо-гэгэне VIII в том же дацане Гэсэра совершали молебны, а в ряде монастырей, в том числе в дацане Дашсамданлин, делали ритуал Сор Гэсэра.

В чем цель этого ритуала? Р. де Небески-Войковиц пишет, что некоторые магические виды оружия, называемые *сор*, похожи на *торма* (тиб. *gtor ma*) — фигуры, которые состоят в основном из теста, обычно имеющие форму небольшой пирамиды. Тибетские ритуальные книги, особенно при описании различных магических церемоний, предписывают исполняющему обязанности священнослужителя разместить эти и другие виды *соров* вокруг *торма*. Соры позже «заряжаются» магическими силами, и, при бросании сора, разрушительные силы затем выпускаются и направляются против противника. Таким образом, *сор* — это разновидность *торма* или крест из нитей, в котором было «заточено» магическое оружие божества. После того, как божество пообещало выполнить все требуемые задачи, это оружие и содержащиеся в нем магические силы высвобождаются путем бросания этих предметов или их размещения в изолированном месте [Nebesky-Wojkowitz, 1996, с. 354].

Гэсэр рассматривался монголами как бог войны — герой добуддийского монгольского и тибетского эпоса, совершивший много подвигов, который должен вернуться для освобождения монголов и тибетцев в тяжелые времена (примерно то, что говорил Унгерн Гижицкому — см. выше).

В Китае Гэсэра стали отождествлять с военачальником по имени Гуань Юй (ум. 294 г.), который в 1594 г. был официально обожествлен как бог войны Гуань-ди. Гуань-ди стал идентифицироваться как Гэсэр в основном в цинское время, когда с середины XVIII в. его храмы распространились в цинских гарнизонных

городках на монгольских и тибетских землях. В период коллапса империи Цин в XX в. определение Гуань-ди как Гэсэра стало акцентироваться в связи с провозглашением независимости Монголии и Тибета, и к середине XX в. исходная идентичность его как китайского божества была почти забыта, храмы стали известны как храмы Гэсэра. Среди последователей школы Гэлуг, преобладающей в Монголии, эта замена была заимствована из народной культуры, причем культ Гэсэра получил развитие в основном в монгольских, а не тибетских регионах. Основные культовые ассоциации этого божества были связаны с Бегцэ (Джамсараном) и с тибетским местным божеством-покровителем Дзонгцен Шенпа. В то время культ Гэсэра приобрел значительную популярность в китайско-монгольских регионах. Во всех тибетоязычных источниках отождествление Гуань-ди с Гэсэром не было сделано явно [Fitzherbert, 2020, p. 180–185].

В Тибете поклонение Гэсэру как божеству-защитнику довольно популярно в областях Кам и Амдо (где проживает много монголов). Существует ряд текстов ритуалов подношения этому защитнику и традиция посвящений Гэсэра. Одними из самых популярных текстов, связанных с практикой почитания этого божества, являются сочинения Мипама Намгьял Гьяцо (тиб. *mi pham nam rgyal rgya mtsho*; 1846–1912).

Храмы Гуань-ди (Гэсэра) были и в нескольких городах Внешней Монголии. В ургинском Маймачене (китайской торговой слободе в столице) был храм Дашсамданлин. Богдо-гэгэн V Лобсанг Цультим Джигме Тенпей Гьялцен (1815–1841) освятил там статую Гэсэра, «сделав ее буддийским гелонгом» (монахом), и подарил храму Дашсамданлин книгу «Цикла учений о Гэсэре» (тиб. *ge sar chos skor*) — «сборник заклинаний, магических формул от имени Гэсэра, молитв и заклинаний к Гэсэру». В этом храме были иконографические изображения Воинственного Гэсэра и Мирного Гэсэра, последним был Монах Гэсэр, освященный Богдо-гэгэном V. Монголы ходили в этот храм, молились и делали подношения Гэсэру. Монголы, жившие в Май-

мачэне, были горячими поклонниками Гэсэра. У них были монгольские рукописные переводы китайского романа «Троецарствие», один из главных героев которого — древнекитайский военачальник Гуань Юй, обожествленный как бог войны Гуань-ди и отождествлявшийся с Гэсэром. Одной главы в тех переводах не хватало — той, в которой говорилось о смерти Гуань Юя; ее чтение рассматривалось монголами как оскорбление. Гэсэру приносили жертвы также монгольские шаманы ургинского Маймачена. Во время цинско-японской войны 1894 г. монголы и китайцы, жившие в ургинском Маймачене, ламы и миряне, стали строить новую статую Воинственного Гэсэра в старом храме Мирного Гэсэра, поскольку старый Монах Гэсэр не охранял маньчжурского императора от врагов. До 1937 г. в Маймачене существовал обычай, что 300 лам Дашсамданлина ежегодно на 30-й день 5-й луны торжественно приносили жертву Воинственному Гэсэру и Мирному Гэсэру [Rintchen, 1958, p. 8–10].

Вместе с тем китайцы ургинского Маймачена рассматривали Гэсэра как Гуань-ди. Судя по фотографии, на его храме находилась надпись на китайском языке с величанием Гуань-ди, сделанным маньчжурским императором Инчжэнем (1678–1735, правил с 1722 г.): «[Будет почитаться на протяжении] десяти тысяч поколений, [до] предела [существования] людей».

Исследование Ц. П. Ванчиковой показало, что почти все монгольские и бурятские тексты относительно Гэсэра «несут следы буддийского влияния, в них встречается много слов тибетского происхождения, буддийских имен и терминов, что может говорить о том, что они, возможно, были когда-то переведены на монгольский с тибетского языка и что они были написаны во второй период распространения буддизма в Монголии, т. е. в XVI–XVII вв., если судить по тому, что в них встречаются архаичные формы написания монгольских слов и устаревшие грамматические формы... По сходству функций либо по внешнему облику воплощения Гэсэра (или его чудесного скакуна) близки ряду персо-

Илл. 2. В 1950-х гг. лама Данзан восстановил в Бадма-Ёга-дацане Улан-Батора фигуру Гэсэра. Образцом послужила фигура, поставленная там до революции по образцу из храма Гэсэра в ургинском Маймачене. До нашего времени все три фигуры не сохранились. На фотографии: справа лама Данзан; слева хамбо-номун-хан габджу С. Гомбожав; слева от него бурятский пандидо-хамбо-лама Гомбоев; первый слева — переводчик в светской одежде.

Фотографию для пересъемки и воспроизведения предоставил ловон-лама Бадма-Ёга-дацана Ц. Гунчин-Иш.

Fig. 1. In the 1950s, Lama Danzan restored the figure of Gesar in the Badma Yoga Datsan of Ulaanbaatar. The figure placed there before the revolution, based on the model from Gesar Temple in Urga Maimachen, served as a model for that statue. All three figures have not survived. In the photo: Lama Danzan on the right; Khambo Nomun Khan Gabju S. Gombojav on the left; the Buryat Pandido Khambo Lama Gomboev to his left; an interpreter in secular clothes first on the left.

The photo was provided by Lovon Lama of Badma Yoga Datsan Ts. Gunchin-Ish.

нажей буддийского пантеона; он предстает как божество войны Гэсэр (тиб. *Далха*, монг. *Дайсун тэнгри* или *Дайчин тэнгри*), иногда отождествляется с Джамсараном. Более поздним (с конца XVIII в.) является отождествление Гэсэра с богом войны в китайской мифологии — Гуань-ди, с которым были связаны китайские храмы Гэсэ-

ра, расположенные на территории Монголии» [Ванчикова, 2017, с. 147–149].

В 1919–1920 гг. последователь китайского буддизма по имени Дзахар из рода Гувэ собирал деньги с китайской общины для строительства нового храма Гэсэра — рядом с монастырем Гандантэгчэнлин в Улан-Баторе. Этот храм был

построен в 1919 г. В 1930-х гг., когда по всей МНР уничтожались монастыри и храмы, китайцы выступили против его сноса — как храма, принадлежащего Китаю, а не Монголии (лама Ц. Гунчин-иш, личное сообщение). Сейчас это одно из зданий монастыря Бадма-Ёга-дацан. В нем в настоящее время нет изображений Гэсэра, но о прошлом этого храма ламы помнят (Илл. 2).

ПОЧЕМУ Р. Ф. УНГЕРНА МОГЛИ СЧЕСТЬ ВОПЛОЩЕНИЕМ БОГДО-ГЭГЭНА V?

Как упоминалось выше, в мемуарах современников-монголов упоминаний Унгерна как бога войны найти не удалось, за исключением данных Ринчена. Но есть и другое указание. В бытность Унгерна в Монголии говорили, что он является воплощением пятого Богдо [Навааннамжил, 1956, с. 235–250]. Однако воплощением Богдо-гэгэна V (1815–1841) был Богдо-гэгэн VIII (1869–1924) — современник Унгерна. Не исключено, что эти слухи объясняются смешением двух событий: признания Унгерна воплощением Гэсэра и освящением статуи Гэсэра Богдо-гэгэном V (см. выше).

Возможны и другие объяснения. Лама может иметь разные воплощения: ума (тиб. *thugs*), речи (тиб. *gsung*) и тела (тиб. *sku*), иногда к этому добавляются воплощения качеств (тиб. *yon tan*) и деяний (тиб. *phrin las*). Первые три могут соотноситься с тремя телами Будды: ум — дхармакая, речь — самбхогакая, тело — нирманакая.

Так, у известного тибетского ламы Джамьянга Кьенце Вангпо (тиб. *jam dbyangs mkhyen brtse'i dbang po*; 1820–1892) было пять воплощений. Воплощения тела (тиб. *sku*): Дзонгсар Кьенце Джамьянг Чокьи Вангпо (1894?–1908), Джамьянг Чоки Вангчуг (1909–1960). Воплощения речи (тиб. *gsung*): Карма Кьенце Осер (1896–1945), Беру Кьенце II (Беру или Палпунг Кьенце) (1946–). Воплощения ума (тиб. *thugs*): Сакья Пунпо Кьенце (1900–1950), Дилго

Кьенце Рабсал Дава (1910–1991), Се Пхагчог Дордже (1854–1919). Воплощения качеств (тиб. *yon tan*): Дзогчен Кьенце Гуру Цеванг (ок. 1897 – ок. 1945), Нангчен Кьенце Кунзанг Дродул (1897–1946). Воплощения деяний (тиб. *phrin las*): Каток Кьенце Джамьянг Чокьи Лодро (1893–1959), позже известный как Дзонгсар Кьенце Чокьи Лодро.

По мнению ламы Ц. Алтанхуу, воплощение ума Богдо-гэгэна V — это Богдо-гэгэн VIII, а воплощением речи или тела могли считать Унгерна. Кроме того, Богдо-гэгэн V построил в Урге храм Майдарын-сумэ, в нем — статую бодхисатвы Майдара (Майтреи). Алтанхуу обратил внимание, что в советско-монгольском фильме «Его зовут Сухэ-Батор» показано: именно в этом храме, именно перед этой статуей Унгерн принял буддизм. Данный фильм снят в 1942 г., когда еще были живы люди, которые могли это видеть. По мнению Алтанхуу, потому это и было снято именно в храме Майдарын-сумэ.

Другие аргументы привел лама Н. Амгалан: обсуждаемые слухи могли быть связаны с тем, что Богдо-гэгэн V предсказывал, что в будущем придет человек, который освободит Монголию, и тогда Богдо-гэгэн станет ее теократическим монархом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, данные Б. Ринчена проливают свет на разрозненные и основанные на слухах сведения, приведенные выше. По-видимому, в описаниях российскими очевидцами участия Р. Ф. Унгерна в церемонии интронизации Богдо-хана смешались разные события: дарование Унгерну монгольского феодального титула и то, что некоторые ламы могли считать Унгерна эманацией Гэсэра, а затем — Джамсарана, с которым Гэсэр иногда ассоциируется.

В биографии Далай-ламы V приводится случай, когда другой известный военачальник также считался воплощением Гэсэра: «Верхние, средние и нижние монголы¹ говорили, что хал-

1 Т. е. хошуты, восточные монголы и южные монголы.

хаский Ахай Дайчин является воплощением Гэсэра»² [blo bzang rgya mtsho, 2009, с. 98]. То, что Унгерн — воплощение бога войны, они могли решить лишь на основе его действий: ведь он не был канонически выявлен как хубилган.

Традиционно выявление перерождения того или иного ламы происходит в детстве. Представители монастыря или ламской резиденции (тиб. *bla brang*) обращаются к высокому буддийскому иерарху с просьбой найти или по крайней мере указать область, где необходимо искать новое воплощение. После нахождения кандидатов в перерожденца проводится процедура их проверки, включающая в себя распознавание вещей, принадлежавших предыдущему перерождению, а иногда и людей из окружения прошлого перерождения. За этим следует формальное оглашение нового перерождения и церемония возведения на трон.

Как известно, в случае с Унгерном эти процедуры не были выполнены, и он был признан воплощением Гэсэра лишь в зрелом возрасте за заслуги перед Монголией, Джебцзундамбой и буддийской религией.

В пользу ассоциации с Гэсэром говорит явление Унгерна — «белого богатыря» — с войском с севера, освобождение им от оккупантов Монголии и, в частности, ее столицы, покровителем которой является Джамсаран. Кроме того, ассоциации с Гэсэром способствовала цель, неоднократно провозглашавшаяся Унгерном: восстановление власти маньчжурского императора, покровителем которого считался Гэсэр. Наконец, Унгерн мог ассоциироваться с Гэсэром и потому, что в Монголии и в походе на Сибирь Унгерн был легко ранен лишь один или два раза, хотя участвовал во многих боях. Правда, в рамках религии защиту от ранений можно объяснить и тем, что Унгерн носил много талисманов, в том числе мантру из сутры «Упокоение черной брани» (тиб. *'phags pa kha mchu nag po zhi bar byed pa zhes bya ba thegs chen po'i mdo*) [Кузьмин, 2011, с. 379].

Возможно, перечисленные выше соответствия и послужили основой того, что Унгерна называли богом войны.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы приносят благодарность Р. Барсболду (Улан-Батор) за сведения о Б. Ринчене, ловонламе Ц. Гунчин-ишу (монастырь Бадма-Ёгадацан, Улан-Батор), хамбо-ламе Д. Чойжамцу (Центр буддийской религии — монастырь Гандантэгчэнлин, Улан-Батор), Н. Амгалан-ламе (ученому секретарю Института науки и культуры Центра буддийской религии — монастыря Гандантэгчэнлин, Улан-Батор), Р. Бямбаа-ламе (профессору кафедры востоковедения Варшавского университета), Ц. Алтанхуу-ламтану (монастырь Дзун-хурэ Дашчойлон, Улан-Батор) и К. Телеки (исследователю Института восточноазиатских исследований, Будапешт) за мнения и информацию о возможных причинах провозглашения Р. Ф. Унгерна воплощением Гэсэра, Джамсарана и Богдо-гэгэна V, высказанные С. Л. Кузьмину; С. В. Дмитриеву (ведущему научному сотруднику ИВ РАН) за перевод китайской надписи в Маймачене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ / SOURCES AND REFERENCES

Бурдуков А. В. *В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма.* Москва: Наука, 1969. 419 с. [Burdukov A. V. *In the Old and New Mongolia. Memoirs. Letters.* Moscow: Nauka, 1969. 419 p. (in Russian)].

Бүрнээ Д., Энхтөр Д. *Төвд-монгол толь.* Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль. 2012. 535 х. [Burnee D., Enkhtor D. *Tibetan – Mongolian Dictionary.* Ulaanbaatar: Mongol ulsyn их сургууль, 2012. 535 p. (in Mongolian and Tibetan)].

Вампилов В. Барон в павлиньих перьях. *Наука и религия.* 1977. № 2. С. 55–57 [Vampilov V. *The*

2 hor stod smad bar gsum rnams a kha'i 'di ge sar gyi spral pa yin zhes zer [blo bzang rgya mtsho, 2009, с. 98] (перевод Б. Митруева).

Baron in Peacock Feathers. *Naika i Religiya*. 1977. No. 2. Pp. 55–57 (in Russian)].

Ванчигова Ц. П. О культе Гэсэра по обрядовым текстам на монгольском языке. *Гуманитарный вектор*. 2017. Т. 12. № 2. С. 145–151 [Vanchikova Ts. P. On the Cult of Gesar According to Ritual Texts in Mongolian. *Gumanitarnyi Vector*. 2017. Vol. 12. No. 2. Pp. 145–151 (in Russian)].

Гижицкий К. *Через Урянхай и Монголию. Воспоминания из 1920–1921 гг.* Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2018. 210 с. [Gizicky K. *Through Uryankhai and Mongolia. Memoirs from the Years 1920–1921*. Moscow–Berlin: Direkt-Media, [1929] 2018. 210 p. (in Russian)].

Голубев. *Воспоминания*. 1926. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford, DK254/U7G662. 354 p. (сокр. изд. в кн.: *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М.: КМК, 2004. С. 518–552) [Golubev. *Memoirs*. 1926. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford, DK254/U7G662. 354 p. (Excerpts published in: *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: КМК, 2004. Pp. 518–522 (in Russian)].

Дайчин тэнгэр. *Монгол хэлний их тайлбар толь*. (Толковый словарь монгольского языка) [Explanatory dictionary of the Mongolian language (in Mongolian)]. URL: https://mongoltoli.mn/search.php?opt=1&ug_id=30708&word=дайчин%20тэнгэр (accessed 07.10.2023).

Демиденко М. И. *Барон Унгерн: белый рыцарь Тибета*. М.: Яуза–Эксмо, 2004. 320 с. [Demidenko M. I. *Baron Ungern, the White Knight of Tibet*. Moscow: Yauza–Eksmo, 2004. 320 p. (in Russian)].

Князев Н. Н. Легендарный барон (отрывки из воспоминаний о генерал-лейтенанте бароне Унгерне). *Луч Азии* (Харбин), 1934. № 4. С. 23–28 [Knyazev N. N. The Legendary Baron. *Luch Azii* (Harbin). 1934. No. 4. Pp. 23–28 (in Russian)].

Князев Н. Н. *Легендарный барон*. Харбин: изд. часть Главного бюро по делам российских эмигрантов, 1942. 211 с. (изд. 2 в кн.: *Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской*

войны. М.: КМК, 2004. С. 13–167) [Knyazev N. N. *The Legendary Baron*. Harbin: Main Bureau of Russian emigres, 1942. 211 p. 2nd ed. in: *The legendary Baron: Unknown Pages of the Civil War*. Moscow: КМК, 2004. Pp. 13–167 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. *История барона Унгерна. Опыт реконструкции*. М.: КМК. 2011. 659 с. [Kuzmin S. L. *History of Baron Ungern. A Reconstruction*. Moscow: КМК, 2011. 659 p. (in Russian)].

Кузьмин С. Л., Рейт Л. Записки Ф. А. Осендовского как источник по истории Монголии. *Восток (Oriens)*. 2008. № 5. С. 97–110 [Kuzmin S. L., Rejt L. J. Notes by F. A. Ossendowski as a Source on the History of Mongolia. *Vostok / Oriens*. 2008. No. 5. Pp. 97–110 (in Russian)].

Лаврентьев К. И. Взятие г. Урги бароном Унгерном в 1921 году. Харбин. 1925. *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М.: КМК, 2004. С. 312–335 [Lavrentiev K. I. Capture of Urga by Baron Ungern in 1921. Harbin. 1925. *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: КМК, 2004. Pp. 312–335 (in Russian)].

Ломакина И. И. *Грозные Махакалы Востока*. М.: Яуза – Эксмо, 2003. 384 с. [Lomakina I. I. *Formidable Mahakalas of the East*. Moscow: Yauza – Eksmo, 2003. 384 p. (in Russian)].

Макеев А. С. *Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии*. Шанхай: А. П. Мalykh и В. П. Камкина, 1934. 143 с. (переизд.: *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М.: КМК, 2004. С. 430–489; *Белая эмиграция в Китае и Монголии*. М.: Центрполиграф, 2005. С. 34–101) [Makeev A. S. God of War — Baron Ungern: Memoirs of the Former Adjutant of the Chief of the Asiatic Cavalry Division. Shanghai: A. P. Malykh & V. P. Kamkina, 1934. 143 p. Also, in: *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: КМК, 2004. Pp. 430–489; *White Emigration in China and Mongolia*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. Pp. 34–101 (in Russian)].

Михалев А. В. Бог войны, или память о «черном бароне» в правом дискурсе современной

России. *Политическая наука*, 2018. № 3. С. 129–146 [Mikhalev A. V. God of War, or Memory of the “Black Baron” in the Right-Wing Discourse of Modern Russia. *Political Science*, 2018. No. 3. Pp. 129–146 (in Russian)].

Монгол бурханы шашны аман түүх. Боть 1–4. Улаанбаатар, 2021 [*Oral History of Mongolian Buddhism*. Vol. 1–4. Ulaanbaatar, 2021 (in Mongolian)].

МУУТА, КГДТ. Монгол Улсын Үндэсний төв архив, Улаанбаатар [МУУТА, КГДТ. Central National Archive of Mongolia, Ulaanbaatar (in Mongolian)].

Навааннамжил Г. *Өвгөн бичээчийн үгүүлэл*. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1956. 287 с. [Navaannamjil G. *Memoirs of Old Scribe*. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliin gazar, 1956. 287 p. (in Mongolian)].

Оссендовский Ф. *Звери, люди и боги*. Рига: Г. Л. Биркен, 1925. (М.: Яуза–Эксмо, 2005. 480 с.) [Ossendowski F. *Beasts, Men and Gods*. Riga: G. L. Birken, 1925. New edition: Moscow: Yauza–Eksmo, 2005. 480 p. (in Russian)].

Өвгөн Жамбалын яриа. (записал Ц. Дамдинсүрэн). Улаанбаатар: ЭШХ, 1959. 95 с. [Stories of the old Jambal. Ulaanbaatar: EShKh, 1959. 95 p. (in Mongolian)].

Ратклифф Дж. Мессианский Гэсэр: от религиозного к коммунистическому. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*, 2017. № 2 (26). С. 67–74 [Ratcliffe J. Messianic Gesar: from religious to communist. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, 2017. No. 2. Pp. 67–74 (in Russian)].

Ринчен Б. Уурийн туяа. Түүхэн роман. Гуравдугаар дэвтэр. Улаанбаатар: Улсын хвлэл, 1955. 345 х. [Rinchen B. *The Morning Dawn*. Historical Novel. Ulaanbaatar: State publisher, 1955. 345 p. (in Mongolian)].

Ринчен Б. На обочинах культа Гэсэр-хана. *Декоративное искусство — диалог истории и культуры*. 1995. № 1–2. С. 42–43 [Rinchen B. On the Margins of the Gesar-khan Cult. *Dekorativnoe Iskusstvo: Dialog Istorii i Kultury*. 1995. No. 1–2. Pp. 42–43 (in Russian)].

Ринчен Б. *Заря над степью*. М.: Прогресс, 1972. 554 с. [Rinchen B. *Dawn above the Steppe*. Moscow: Progress, 1972. 554 p. (in Russian)].

Торновский М. Г. *События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания)*. Шанхай, 1942. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford, 48014-10. V. P. 1–141 (выдержки под ошибочным указанием «С. Лавров» в кн.: Барон Унгерн в документах и мемуарах. 2004. М. С. 615–620; полное изд. в кн.: Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны. М.: КМК, 2004. С. 168–323 [Tornovskii M.G. *Events in Mongolia-Khalkha in 1920–1921. Military & historical account (memoirs)*. Shanghai, 1941. Excerpts under erroneous indication “S. Lavrov” in: *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: КМК, 2004. Pp. 615–620; full ed. in *The Legendary Baron: Unknown Pages of the Civil War*. Moscow: КМК, 2004. Pp. 163–323 (in Russian)].

Хитун С. Е. Дворянские поросята. Русская мысль. 04.06–23.06.1970 (переизд. в: *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М.: КМК, 2004. С. 580–615; *Белая эмиграция в Китае и Монголии*. М.: Центрполиграф, 2005. С. 120–133) [Khitun S. E. Noblemen’s Piglets. *Russkaya Mysl*. 04.06–23.06.1970. Repr. in: *Baron Ungern in Documents and Memoirs*. Moscow: КМК, 2004. Pp. 580–615; *White Emigration in China and Mongolia*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. Pp. 120–133 (in Russian)].

Цибиков Б. *Разгром унгерновщины*. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское государственное издательство, 1947. 159 с. [Tsibikov B. *The Debacle of the Ungernovshchina*. Ulan-Ude: Buryat State Publisher. 159 p. (in Russian)].

Шулунов Ф. М. Контрреволюция и ламство. *Записки государственного научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. 1940. В. 2. С. 110–117 [Shulunov F.M. Counterrevolution and the lamate. *Zapiski GosNII Yazyka, Literatury i Istorii*. 1940. No 2. Pp. 110–117 (in Russian)].

Alioshin D. *Asian Odyssey*. London – Toronto – Melbourne – Sydney: Cassell and Co., Ltd., 1941. 321 p.

blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtsed rtogs brjod kyī tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam dang po («Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии «Парча из дукулы»». Т. 1). *rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum* (Собрание сочинений Далай-ламы V). ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs. Vol. 5. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2009. 532 p. [«The game of deceptive manifestations of this life of the monk from Sakhor Ngawang Lobsang Gyatso, described in the form of a biography «Brocade from Dukula»». Vol. 1. Collected works of the 5th Dalai Lama. Beijing, 2009. 532 p. (in Tibetan)].

Dufour P. L'aventure du Baron Ungern-Sternberg. Mongolie 1921. *Bulleten de l'Universite l'Aurore* (Shanghai). Ser. 4. 1942. T. 3. No. 3. Pp. 599–617.

Fitzherbert S. The Geluk Gesar: Guandi, the Chinese God of War, in Tibetan Buddhism from the 18th to 20th centuries. *Revue d'Etudes Tibetaines*,

CNRS, Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries. 2020. No. 53. Pp. 178–266.

King M. W. Knowing King Gésar between Buddhist Monastery and Socialist Academy, or The Practices of Secularism in Inner Asia. *Himalaya*. 2016. Vol. 36. No. 1. Pp. 44–55.

Nebesky-Wojkowitz R. de. *Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities*. Delhi: Book Faith India, 1996. 572 p.

Ratcliffe J. *Becoming-Geser, Becoming-Buryat: Oral Epic and the Politics of Navigating Four Identity Crises*. Ph.D. Theses. Australian National University. 2019. 263 p.

Rintchen B. En marge du culte de Guesser Khan en Mongolie. *Journal de la Société Finno-Ugrienne*. 1958. Vol. 60. Pp. 1–51.

Teleki K. *Reminiscences of Old Mongolian Monks. Interviews about Mongolia's Buddhist Monasteries in the Early 20th Century*. Budapest: Institute of Oriental Studies, Eotvos Lorand University, 2022. 431 p.

